

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ORCID 1: 0000-0003-2935-7794

ORCID 2: 0000-0002-5748-5155

*А. И. Кобзев**, *Н. А. Орлова***

О СМЫСЛЕ НАЗВАНИЯ ЗНАМЕНОЙ ПОЭМЫ БО ЦЗЮЙ-И «ЧАН-ХЭНЬ ГЭ»

Аннотация: в статье рассматриваются варианты перевода названия поэмы «Чан-хэнь гэ» 長恨歌 великого китайского поэта Бо Цзюй-и 白居易 на европейские языки и выясняется его смысл через анализ значений иероглифа *хэнь* 恨 и бинома *чан-хэнь* 長恨 как оппозиции иероглифа *ань* 安 и бинома *чан-ань* 長安 – названия столицы Чанъань. Раскрыты исторические перипетии опубликования под разными заглавиями трёх русских переводов «Чан-хэнь гэ».

Ключевые слова: Бо Цзюй-и, Бо Цзюйи, Бай Цзюйи, Чан-хэнь гэ, Песнь о бесконечной тоске, Вечная печаль

* *Кобзев Артём Игоревич*, д-р филос. наук, профессор, заведующий отделом Китая Института востоковедения РАН (Москва), руководитель УНЦ «Философия Востока» Российского государственного гуманитарного университета (Москва); chinaires@ivran.ru; arkobzev@gmail.com

** *Орлова Наталья Александровна*, канд. филос. наук, старший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), ornatanew@gmail.com

© Кобзев А. И., Орлова Н. А., 2022; © ФГБУН ИВ РАН, 2022

Artem I. Kobzev, Nataliya A. Orlova***

**ABOUT THE MEANING OF THE TITLE
OF BO JU-YI FAMOUS POEM «CHANG-HEN GE»**

Abstract: The article examines the options for translating the title of the poem «Chang-hen ge» («The Song of Everlasting Sorrow» / «The Song of Everlasting Regret») by the great Chinese poet Bo Ju-yi into European languages and clarifies its meaning through analysis the meaning of the hieroglyph *hen* and the binom *chang-hen* as the semantic opposition of the hieroglyph *an* and the binom *chang-an* – the name of the capital Chang`an. The historical vicissitudes of the publication under different titles of three Russian translations of «Chang-hen ge» are revealed.

Keywords: Bo Ju-yi, Bai Juyi, Po Chü-i, Chang-hen ge, The Song of Everlasting Regret, The Song of Everlasting Sorrow

Идея написания знаменитой 120-строчной поэмы «Чан-хэнь гэ» 長恨歌 пришла великому поэту эпохи Тан (618–907 гг.) Бо / Бай Цзюй-и 白居易 (772–846 гг.) после посещения с двумя друзьями храма Странствий бессмертных-небожителей (Сянь-ю сы 仙遊寺), расположенного на одноимённой горе Странствий бессмертных-небожителей 仙遊山 (Сяньюшань) в уезде Чжоучжи 整廬, в двенадцатой луне (13.01-10.02.807) первого года (24.01.806–10.02.807) правления под девизом Юань-хэ 元和 (806–820 гг.) императора Сянь-цзуна 憲宗 (личное имя Ли Чунь 李純, 778–820 гг., правл. 805–820 гг.).

В тот год, успешно выдержав в четвёртую луну (22.04–21.05.806) назначенный новым императором специальный дворцовый экзамен для выявления талантов, способных сочетать глубокие знания с их практическим применением, Бо Цзюй-и был назначен на должность коменданта (вэй 尉) уезда Чжоучжи близ столицы

* *Kobzev Artem Igorevich*, Dr. Hab. (Philosophy), Prof., Head of the China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), Head of the Educational and Scientific Center “Philosophy of the East”, Russian State University for the Humanities (Moscow); chinaires@ivran.ru; arkobzev@gmail.com

** *Orlova Nataliya Alexandrovna*, Ph. D (Philosophy), Senior Research Associate, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), ornatanev@gmail.com

Чанъань 長安 (ныне уезд Чжоучжи 周至 на городской территории Сиани в провинции Шэньси), а потом получил должность секретаря-сверщика (*цзяо-ли* 校理) в императорской Академии Дворца собрания достойных (*цзи-сянь-дянь шу-юань* 集賢殿書院), одного из четырёх ведомств, относившихся к Надзору Срединных документов (*чжун-шу-шэн* 中書省)¹, т. е. к придворному секретариату.

Обстоятельства, способствовавшие появлению поэмы на свет, описал один из двух сопровождавших Бо Цзюй-и к храму Странствий бессмертных-небожителей друзей – учёный, ставший «продвинутым мужем» (*цзинь-ши* 進士) в 805 г., чиновник и литератор Чэнь Хун 陳鴻 (Да-лян 大亮, Хун-цзю 鴻祖). В этой же связи он создал прозаическую версию романтической истории любви императора и прекрасной наложницы Ян-гуй-фэй 楊貴妃 в виде биографической новеллы с заглавием «Чан-хэнь гэ чжуань» 長恨歌傳 («Предание к “Песни о бесконечной тоске”»), в которую полностью включил поэму «Чан-хэнь гэ» Бо Цзюй-и как творение гения, способного наилучшим образом запечатлеть исключительные события.

О. Л. Фишман (1919–1986 гг.) перевела эту новеллу, озаглавив «Повестью о бесконечной тоске», и в первом издании 1955 г. поместила собственный перевод «Чан-хэнь гэ» в обработке поэта С. В. Ботвинника (1922–2004 гг.) с соответствующим заглавием «Песнь о бесконечной тоске» [Чэнь Хун 1955, с. 130–135], а во втором издании, вышедшем в период «реабилитанса» под редакцией Н. И. Конрада (1991–1970 гг.) в 1959 г., воспользовалась ранее так озаглавленным и опубликованным под редакцией того же Н. И. Конрада в 1935 г. переводом незаконно репрессированного и расстрелянного Б. А. Васильева (1899–1937 гг.) [Чэнь и Бо 1959]. Под этим же названием в «Повести о бесконечной тоске» впервые издал свой перевод Л. З. Эйдлин (1909/1910–1985 гг.) [Чэнь Хун 1960, с. 191–197], который затем, отдельно публикуя поэму, переименовал её в «Вечную печаль» [Бо Цзюй-и 1965, с. 181–189; Бо Цзюй-и 1978, с. 261–270; Поэзия 1987, с. 311–318]². В 1970 г. уже

¹ В переводах названий должностей и ведомств использованы варианты, предложенные В. М. Рыбаковым [Рыбаков 2009].

² О скрытой за этими публикационными трансформациями борьбе отечественных синологов подробно см. [Кобзев 2016].

в составленном им самим сборнике О. Л. Фишман также приняла это заглавие и переименовала новеллу в «Повесть о вечной печали» [Чэнь Хун 1970]³.

Название храма Странствий бессмертных-небожителей (Сянь-ю сы 仙遊寺) связано с историей любви музыкантши Нун-юй 弄玉, дочери циньского князя Му-гуна 穆公 (правл. 659–621 гг. до н. э.), и её мужа, искусного флейтиста Сяо-ши 蕭史, описанной Лю Сяном 劉向 (77–6 гг. до н. э.) в «Преданиях о выделенных бессмертных-небожителях» («Ле-сянь чжуань» 列仙傳). Супруги, оседлав феникса и дракона, вместе вознеслись в небеса, став бессмертными-небожителями (сянь 仙).

В этой истории соединились любовный и даосский сюжеты, повторившиеся потом в поэме «Чан-хэнь гэ», связанной с другой, намного более близкой Бо Цзюй-и по времени, историей любви императора Сюань-цзуна 玄宗 (личное имя Ли Лун-цзи 李隆基, 685–762 гг., правл. 712–756 гг.) и одной из «четырёх великих красавиц древности» – искусной певицы, танцовщицы и музыкантши Ян Юй-хуань 楊玉環 (719–756 гг.), которая сначала была наложницей 18-го сына императора Ли Мао 李瑁 (Шоу-ван 壽王, ум. в 775 г.), а потом и самого Сюань-цзуна, получив титул «драгоценной наложницы» (гуй-фэй 貴妃) с половинным содержанием императрицы и известность под именем Ян-гуй-фэй 楊貴妃.

Воспользовавшись ситуацией, её ближайшие родственники заполучили всевозможные блага и привилегии. Особенно могущества и влияния при дворе, став «правительствующим сподвижником», т. е. канцлером (цзай-сян 宰相), и «фактическим главой совета министров – Шаншу (尚書省)» [Сторожук 2010, с. 169; Сторожук 2010а, с. 133], т. е. главой Правительствующего надзора, добился Ян Чжао 楊釗 (700?–756 гг.), получивший даже почётное имя (персональный титул) Го-чжун 國忠 (букв. «Верность государству / Верноподданный государству») в знак особой милости от императора после возвышения Ян-гуй-фэй, чьим старшим кузе-

³ А. Г. Сторожук ошибочно отнёс последнее название к переводу О. Л. Фишман 1955 г. в статье [Сторожук 2010, с. 172, примеч. 13], но правильно связал его с изданием 1970 г. в воспроизведшей эту статью книге того же года [Сторожук 2010а, с. 137, примеч. 216].

ном (имеющим с нею общего деда или прадеда по отцу) он официально считался. О таком родстве, к примеру, сообщил писатель и географ Юэ Ши 樂史 (Цзы-чжэн 子正, 930–1008 гг.) в «Частном жизнеописании / Неофициальном предании о Ян Тай-чжэнь» («Ян Тай-чжэнь вай-чжуань» 楊太真外傳; в русском переводе А. П. Рогачёва «Ян гуйфэй» [Лэ Ши 1972]).

Но они могли быть не родственниками, а свойственниками. В жизнеописании Ян Го-чжуна «Старой книги [об эпохе] Тан» («Цзю Тан шу» 舊唐書, цз. 106) его дядей по матери (цзю 舅) назван известный своей красотой фаворит экстравагантной императрицы У Цзэ-тянь 武則天 (624–705 гг., правл. 684–705 гг.) Чжан И-чжи 張易之 (?–705 г.), а в аналогичном тексте «Новой книги [об эпохе] Тан» («Синь Тан шу» 新唐書, цз. 206) Ян Го-чжун назван «отпрыском» (чу 出) последнего, т. е., видимо, биологическим сыном. Последнее свидетельство подтвердил современник событий, чиновник и поэт Чжэн Шэнь 鄭審 (Гао-цзянь 篙鑿 / 高簡, Ли Чжи-фан 李之芳), в «Происшествиях [периода] Тянь-бао [742–755 гг.]» («Тянь-бао гу-ши» 天寶故事) прямо назвавший Ян Го-чжуна «сыном» (цзы 子) Чжан И-чжи, хотя живший пятью веками позже историк Ху Саньшэн 胡三省 (Мань-сунь 滿孫, Шэнь-чжи 身之, 1230–1302 гг.) счёл это сплетней. Но уже в XX в. Лу Синь/Сюнь 魯迅 (1881–1936 гг.), комментируя новеллу Юэ Ши, указал, что Ян Го-чжун действительно являлся побочным сыном Чжан И-чжи и служанки Бинь-чжу 蟻珠, которая после его смерти «была выдана замуж в род Янов» (см. [Лэ⁴ Ши 1972, с. 32; Кобзев 1983, с. 144, примеч. 13]).

Так или иначе, будучи членом рода Ян фактически или формально, Ян Го-чжун вслед за Ян-гуй-фэй публично попирал общественные устои, предаваясь не только коррупции, но и разврату. В частности, Юэ Ши отметил его «предосудительную связь» с одной из старших сестёр Ян-гуй-фэй, демонстрировавшуюся «не считаясь с правилами и приличиями» [Лэ Ши 1972, с. 15, 30]. Подобное поведение считалось не только аморальным, но и противозаконным, подпадая под ст. 411 уголовного кодекса империи Тан о развратных сношениях между родичами и свойственни-

⁴ В этом переводе фамилия Юэ Ши неточно передана другим звучанием – лэ – иероглифа 樂, который в качестве фамильного знака читается как юэ.

ками, которая предусматривала наказание тремя годами каторги [Уголовные 2008, с. 49–51].

В 736 г. произошли два важных для сюжета поэмы события: во-первых, при дворе появился военачальник неханьского (ху 胡)⁵ происхождения Ань Лу-шань 安祿山 (ок. 703–757 гг.), впоследствии поднявший продолжительное кровопролитное восстание, и, во-вторых, Ян Юй-хуань, в конце 735 г. выданная замуж за сына императора от У-хуй-фэй 武惠妃 (699–737 гг.) Ли Мао, приглянувшись самому императору и, чтобы получить развод, приняла постриг под даосским именем Тай-чжэнь. В 745 г., уже после смерти У-хуй-фэй, она получила официальный титул старшей наложницы *гуй-фэй*. В 750 г. обласканный императором и невероятно могущественный к тому времени Ань Лу-шань, продвижению которого способствовал сановник Ли Линь-фу 李林甫 (Гэ-ну 哥奴, Юэ-тан 月堂, 683–753 гг.) и который считался фаворитом Ян-гуй-фэй [Сторожук 2010, с. 169; Сторожук 2010а, с. 134], стал её названным сыном. В этом символическом смысле она и впрямь может считаться «матушкой» случившейся смуты. В конечном итоге Ян Го-чжун с Ян-гуй-фэй были убиты во время кровопролитного восстания (755–763 гг.) ранее близкого им Ань Лу-шаня и бегства императора из столицы.

В поэме есть ещё один важный поворот сюжета, связанный с даосским мотивом чудесного путешествия. Даос, видя страдания Сюань-цзуна, предлагает ему свои услуги и отправляется искать душу Ян-гуй-фэй. Он находит её в виде небожительницы на горе бессмертных-небожителей-*сяней* под полученным ею ещё при жизни даосским именем Тай-чжэнь 太真 (Великая Истина). Она рассказывает даосу о клятве вечной любви, которую они с императором дали друг другу в храме до их разлуки и её гибели.

Император Сюань-цзун приходился правящему императору Сянь-цзуну прапрапрадедом по прямой линии, поэтому обращение к неоднозначному сюжету со столь высокопоставленным персонажем мелкого чиновника Бо Цзюй-и, находившегося тогда в самом начале своей чиновничьей карьеры, было довольно риско-

⁵ О версиях его происхождения подробно см. [Сторожук 2010, с. 169, примеч. 8; Сторожук 2010а, с. 134, примеч. 211].

ванным делом, ставившим автора в сложное положение, на которое в статье «История Сюань-цзуна и Ян-гуй-фэй в танской литературе: выбор между долгом правителя и личным счастьем» и воспроизведшем её разделе своей книги справедливо указал А. Г. Сторожук, рассмотрев три варианта интерпретации этих исторических событий в танской литературе. Полагая, что «осмеливавшиеся намекать на виновность Сюань-цзуна были в явном меньшинстве» [Сторожук 2010, с. 170; Сторожук 2010а, с. 136], он отнёс к их числу поэта и близкого друга Бо Цзюй-и Юань Чжэня 元稹 (Вэй-чжи 微之, Вэй-мин 威明, 779–831 гг.), которому ранее посвятил подробное исследование [Сторожук 2001]. Другая версия, с его точки зрения, выражена в «Предании о наложнице Мэй» («Мэй-фэй чжуань» 梅妃傳)⁶, где виновницей всех бед представлена Ян-гуй-фэй. А к «не осмелившимся» намекать на виновность императора А. Г. Сторожук отнёс автора «Чан-хэнь гэ», полагая, что «Бо Цзюй-и создаёт поэму, цель которой – восстановление ритуала по отношению к Сюань-цзуну и Ян-гуй-фэй как его избраннице и, что вполне соответствует конфуцианской традиции, перенос ответственности на нерадивых советников государя и алчных, своекорыстных министров» [Сторожук 2010, с. 173; Сторожук 2010а, с. 139], разведя, таким образом, ближайших друзей и единомышленников Юань Чжэня и Бо Цзюй-и по разные стороны исторической баррикады в этом эпизоде и отдав первому предпочтение в смелости политического высказывания.

Более романтическое и в то же время идеологически выверенное объяснение позиции автора поэмы ранее выдвинул Л. З. Эйдлин: «Чэнь Хун в своей конфуцианской ограниченности не понял замысла Бо Цзюй-и и напрасно попытался изобразить поэму в виде некоего нравоучительного трактата, если только не сделал он этого нарочно, для того чтобы оградить друга от нападков тех, кто мог

⁶ В переводе О. Л. Фишман эта новелла названа «Повестью о фаворитке Мэй» [Неизвестный 1955; Цао Е 1960]. Она точно не атрибутирована. Время её создания колеблется от конца эпохи Тан (IX в.) до Южной Сун (1127–1279 гг.), а среди возможных авторов фигурируют чиновники, учёные (*цзинь-ши*) и литераторы Цао Е 曹鄴 (Е-чжи 業/鄴之, 816 – ок. 875 гг.) и Е Мэн-дэ 葉夢得 (Шао-юнь 少蘊, Ши-линь 石林, 1077–1148 гг.). Поэтому О. Л. Фишман сначала сочла новеллу написанной неизвестным автором, а потом – Цао Е.

усмотреть в “Вечной печали” оскорбление государя и неприличное славословие любви. Бо – поэт, и он выше всех государей. Он позволил себе увидеть в Сюань-цзуне обыкновенного человека, страдающего от гибели любимой. Ни почтения здесь нет к тому, кто правит страной, ни особого порицания тому, кто, увлечённый любовью, “для вершения дел перестал по утрам выходить”, а есть лишь глубокое сочувствие человеку, удручённому постигшим его большим несчастьем» [Бо Цзюй-и 1965, с. 11–12; Бо Цзюй-и 1978, с. 9–10]; «Это единственный случай, когда поэта заинтересовали душевные страдания власть имущих» [Поэзия 1987, с. 18].

Нам хотелось бы показать, что Бо Цзюй-и в своей поэме вполне ясно и отчётливо указал источник постигших страну бедствий и это были вовсе не советники и министры.

Очевидно, что наличие поэмы, в которой были бы допущены какие-то политические просчёты или неправильно расставлены акценты, могло бы стоить Бо Цзюй-и благосклонности императора и близости к трону, как это и случилось в 815 г., когда недоброжелатели поставили поэту в вину написание стихов, противоречащих, по их мнению, принципам сыновней почтительности.

Однако служебная карьера Бо Цзюй-и в тот период складывалась блестяще, его поэтическое творчество было замечено в высшем свете и представлено императору Сянь-цзуну, который не только отнёсся к нему весьма благосклонно, но уже в одиннадцатую луну второго года правления под девизом Юань-хэ 元和 (3.12.807–1.1.808) призвал Бо Цзюй-и в члены Академии Хань-линь 翰林, а в пятую луну (29.5.808–27.6.808) следующего года пожаловал ему должность левого подбирателя обронённого (*цзо-ши-и* 左拾遺), сопровождающего 8-го высшего ранга, в должностные функции которого входила не только проверка черновики указов, повелений и государственных документов, поиск и правка содержательных и стилистических ошибок, но и предоставление императору «порицающих увещеваний» (*фэн-цзянь* 諷諫), в которых аргументировалась несогласная позиция по поводу его решений и которые император мог принять к сведению или проигнорировать. «Увещевания» Бо Цзюй-и были подробными и весьма смелыми, и император часто соглашался с ними.

Тем не менее содержание поэмы не позволяет без явных натяжек сделать вывод о том, что только и именно дурные сановники погубили царскую чету и государство. И даже прямое указание (23-я строка) на фаворитизм в отношении родственников Ян-гуй-фэй не возлагает на них вины: *Цзи-мэй ди-сюн цзе ле-ту* 姊妹弟兄皆列土 («Сёстрам и братьям её всем подряд / Щедро надёлы даны»⁷), а только сообщает, что за описанными событиями идёт важное следствие (25-я и 26-я строки): *Суй лин Тянь-ся фу-му синь, бу чжун шэн-нань чжун шэн-ньюй* 遂令天下父母心, 不重生男重生女 («Так в Поднебесной затеплилась мысль / в сердце отцов-матерей: // Не сыновей теперь надо ценить – / надо ценить дочерей»)⁸, а уже 29-я строка описывает начало смуты в стране.

Таким образом, именно положение, когда стали «ценить рождение женщин» (*чжун шэн-ньюй* 重生女) и «не ценить рождение мужчин» (*бу чжун шэн-нань* 不重生男), оказывается роковым и переломным моментом в описываемых поэмой событиях. Но подобный настрой народа является прямым следствием умонастроения императора, о котором поэт говорит в первых же четырёх иероглифах первой строки поэмы: *Хань хуан чжун сэ* 漢皇重色 – «Ханьский правитель [превыше всего] ценил женскую красоту / красавиц / чувственные удовольствия»⁹. Первая строка поэмы перекликается с 26-й строкой благодаря иероглифу

⁷ Перевод здесь и далее, если не указано иное, наш.

⁸ В переводе Б. А. Васильева: «Не было брата её или сестры, / Не награждённых уделом в те дни» и «И оттого-то по всей Поднебесной / стало родителям всем известно: / надо ценить из рождённых детей / девочек больше, чем сыновей» [Бо Цзюй-и 1935, с. 118; Чэнь и Бо 1959, с. 352], в переводе О. Л. Фишман и С. В. Ботвинника: «Приблизил царь сестёр её и братьев» и «Теперь мужьям твердят одно и то же: / Иметь мы сына вовсе не желаем, / Мы дочь хотим – такую же – иметь!» [Чэнь Хун 1955, с. 131], в переводе Л. З. Эйдлина: «Многочисленным сёстрам и братьям её / во владения земли он дал» и «И уже это счастье под небом у нас / для отцов с матерями пример: / Их не радует больше родившийся сын, / все надежды приносит им дочь...» [Чэнь Хун 1960, с. 192; Бо Цзюй-и 1965, с. 183; Бо Цзюй-и 1978, с. 262–263; Поэзия 1987, с. 313].

⁹ В переводе Б. А. Васильева: «Ханьский властитель красавиц ценил» [Бо Цзюй-и 1935, с. 117; Чэнь и Бо 1959, с. 351], в переводе О. Л. Фишман и С. В. Ботвинника: «Красавицами разными владея, / Властитель ханьский правил очень долго» [Чэнь Хун 1955, с. 130], в переводе Л. З. Эйдлина: «Был один государь. Он, красавиц любя...» [Чэнь Хун 1960, с. 191; Бо Цзюй-и 1965, с. 181; Бо Цзюй-и 1978, с. 261; Поэзия 1987, с. 311].

чжун 重 («ценить»): правитель ценит (*чжун*) красавиц (женщин) – родители (народ) ценят (*чжун*) дочерей (женщин). Так недолжное (не конфуцианское) положение дел распространяется от государя на всё государство.

Более того, характеристика правителя в первой строке заканчивается тремя иероглифами *сы цин-го* 思傾國, которые можно перевести как «думал о покоряющей государство»¹⁰. Выражение *цин-го* 傾國, восходящее к «Вёснам и осеням Янь-цзы» («Янь-цзы чунь-цю» 晏子春秋, V–IV вв. до н. э.), стало образно обозначать женскую красоту, перед которой невозможно устоять. В примечании к нему Л. З. Эйдлин писал: «Покорявшую страны – то есть такую небывалую красавицу, как жена ханьского императора У-ди, о которой брат её Ли Янь-нянь сказал в стихах государю: “Раз взглянет – и сокрушит город, взглянет второй раз – и покорит страну”» [Чэнь Хун 1960, с. 191, примеч. 2; Бо Цзюй-и 1965, с. 206, примеч. к стр. 181; Бо Цзюй-и 1978, с. 294, примеч. к стр. 261; Поэзия 1987, с. 455, примеч. к стр. 311]. Однако *цин-го* означает не только «покорять государство», но и «разрушать/разорять государство», в каком-то значении данное выражение и появилось впервые в «увещевании» (*цзянь* 諫) сановником Янь-цзы 晏子 правителя царства Ци 齊 Цзин-гуна 景公 (547–490 гг. до н. э.) («Янь-цзы чунь-цю», цз. 1, разд. 10 [Чжан Чунь-и 1956, с. 15]). Этот двойной смысл сразу же превращает первую строку поэмы из безобидного описания пристрастий и любовных мечтаний императора в грозное пророчество о судьбе страны.

Ещё более выразительным «обличением» выглядит ключевой для поэмы иероглиф *хэнь* 恨, появляющийся сначала в её названии, а потом только в последней строке, подытоживающей всё произведение: *Цы хэнь мянь-мянь у цзюэ ци* 此恨綿綿無絕期. Он переводится и понимается по-разному и поэтому требует специального рассмотрения.

¹⁰ В переводе Б. А. Васильева: «думал о той, что царства свергала» [Бо Цзюй-и 1935, с. 117; Чэнь и Бо 1959, с. 351], в переводе О. Л. Фишман и С. В. Ботвинника: «Но девушку не мог найти на свете, / Подобную “крушащей царство” деве» [Чэнь Хун 1955, с. 130], в переводе Л. З. Эйдлина: «“покорявшую страны” искал» [Чэнь Хун 1960, с. 191; Бо Цзюй-и 1965, с. 181; Бо Цзюй-и 1978, с. 261; Поэзия 1987, с. 311].

На русский язык поэма была переведена рифмованно Б. А. Васильевым в 1935 г. под названием «Песнь о бесконечной тоске» [Бо Цзюй-и 1935; Чэнь и Бо 1959, с. 351–356] и ритмизированно, но без рифмы под тем же названием О. Л. Фишман с С. В. Ботвинником в 1955 г. [Чэнь Хун 1955, с. 130–135; Чэнь и Бо 1959, с. 351–356] и Л. З. Эйдлиным в 1960 г. [Чэнь Хун 1960, с. 191–197], а в 1965 г. и позднее он стал издавать её под другим названием «Вечная печаль» [Бо Цзюй-и 1965, с. 181–189; Бо Цзюй-и 1978, с. 261–270; Поэзия 1987, с. 311–318]. Оттенки смысла, которые дают слова «тоска» и «печаль», распределяются от более тяжёлого и острого («тоска») к более лёгкому («печаль»).

В английских переводах аналогичную альтернативу составляют тяжёлое переживание «remorse» («The Song of the Everlasting Remorse» / «The Everlasting Remorse» [Waley 1951, p. 44]), «sorrow» («The Song of Everlasting Sorrow» [Wang 2008]) и более лёгкое «grief» («The Eternal Grief» [Waley 1919, p. 67; Lu 1959, p. 95]), «regret» [Bo Juyi 2008; Bo Juyi 2011]. При переводе на французский язык устойчиво используется перевод «regret» («Chantdesregrets éternels» [Demiéville 1962; Chant 1992; Coyauud 2009], соответствующий «сожалению, раскаянию»; при переводе на немецкий язык используются слова «Leid» («Lied vom langen Leid», перевод обыгрывает слова Lied-песня и Leid-печаль/страдание [цит. по: Bai Juyi 1999, S. 3]), «Klage» – «жалоба, плач, стенание, вопль» («Die nie endende Klage» [Bai Juyi 1999, S. 30–39]). Немецкий вариант «Klage» сближается с вариантом «жалоба» у Б. А. Васильева в последней строке [Бо Цзюй-и 1935, с. 123; Чэнь и Бо 1959, с. 356]. Все эти варианты тем не менее указывают на некоторое субъективное эмоциональное состояние и его выражение. Из этого ряда выпадает своеобразное исключение – в раннем западном переводе 1901 г. Г. А. Джайлза (Herbert A. Giles, 1845–1935) «The Everlasting Wrong» [Giles 1924, p. 167–175] слово «wrong», помимо «ошибочности» и «неправильности» означает «зло» (с синонимичным кругом “evil, harm, mischief, ill”) и «несправедливость».

Несмотря на то, что для современного носителя русского языка слова «тоска» и «печаль» в первую очередь ассоциируются с психологическими состояниями, в них ещё сохраняется смысло-

вая связь с внешним положением дел. Так, что-то скучное в разговорном языке до сих пор можно назвать словом «тоска», а в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» первое значение этого слова определено как «стеснение, притеснение» и «сдавливание, сжатие» [Словарь 2015, с. 68]. Для слова «печаль» «Большой академический словарь русского языка» в качестве третьего значения даёт следующее: «То, что печалит; событие, обстоятельство и т. п., вызывающее чувство грусти, уныния» [Большой 2011, с. 511], а в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» подобное значение, тоже занимающее в словарной статье третье место, определено как «несчастье, беда» или «испытание» [Словарь 1989, с. 32].

Возвращаясь от переводов к семантике собственно иероглифа *хэнь* 恨, можно отметить, что хотя у него превалируют значения, связанные с эмоциональными состояниями: «I. 1) ненавидеть, презирать; 2) досадовать, негодовать; быть недовольным; сожалеть; раскaiваться; II. 1) ненависть, злоба, вражда; 2) досада, негодование; раскаяние» [Большой 1984, № 9880, с. 906], однако понятие вражды выходит за эти «субъективные» границы, а понятия злобы и ненависти, охватывая экстремально сильные негативные эмоции, ассоциируются с вызываемыми ими действиями, также переходя из сферы сугубо эмоциональных, внутренних переживаний в сферу поведения.

В название поэмы иероглиф *хэнь* входит с определением *чан* 長, создавая грамматический, семантический и фонетический параллелизм между биномом *чан-хэнь* 長恨 и названием столицы Чан-ань/Чанъань 長安, обычно переводимым как «Долгий мир», а определяемому *хэнь* придаёт смысл, противоположный иероглифу *ань* 安, среди значений которого в первую очередь выделяются «1) покой, отдых; здоровье, благополучие; 2) мир, покой, безопасность; 3) спокойствие, порядок» [Большой 1984а, № 15403, с. 1030–1031], что обосновывается этимологией этого знака, изображающего женщину, сидящую под домашней крышей, и, соответственно, символизирующего спокойствие и умиротворённость.

В силу этого можно предположить, что пара *чан-хэнь* – *чан-ань* является ключевой антиномией поэмы, опирающейся, в свою очередь, на оппозицию *хэнь* – *ань*, которая описывает связанную с жен-

ским фактором противоположность не только двух экстремальных состояний психики: ненависти и покоя/спокойствия, но и двух экстремальных состояний общества: вражды и мира. В этом случае *хэнь* уже не столько относится к сфере человеческих эмоций, сколько описывает состояние общества, государства или даже всей Поднебесной, а романтическая история двух разлучённых влюблённых трансформируется в историю впавшей в смуту империи, где восторжествовало вышедшее из под домашнего контроля женское начало *инь* 陰, поскольку, согласно традиционному обществоведению, теоретически выраженному в каноне «Великое учение» («Да сюэ» 大學), «желавшие высветлить светлую благодать-дэ в Поднебесной предварительно упорядочивали своё государство, желавшие упорядочить своё государство предварительно выравнивали свою семью», ибо «за выравниванием семьи следует упорядоченность государства, за упорядоченностью государства следует уравновешенность Поднебесной» [Кобзев 2014, с. 63, 64].

Эпитет *чан* при этом указывает не только на параллелизм биномов, но и на «долговременность», «продолжительность» состояния, которое в процитированной выше последней строке поэмы описывается как «непрерывное, непрерывно продолжающееся» (*мянь-мянь* 綿綿) и «бессрочное, без истечения срока» (*у цзюэ ци* 無絕期), так что не случайно иероглиф *чан* в бинOME *чан-хэнь* иногда переводят словом «вечный».

Поэма Бо Цзюй-и, глубоко проникшего, как верно заметил Л. З. Эйдлин, в душевный мир героев, всё же описывает любовное увлечение не простого смертного, а государя, показывая, что его недолжное поведение, допускающее трактовку как переход от конфуцианской сдержанности к даосской раскрепощённости, постепенно перекидывается на всё государство. Таким образом, можно предположить, что героями поэмы являются не только император и его возлюбленная, но и столичный город, превращающийся по их вине из «Чанъани» в «Чанхэнь», а образ Ян-гуэй-фэй лишь персонифицирует причины и последствия этого недолжного положения дел.

Подобное понимание можно подкрепить характерным для китайского менталитета тех времён отождествлением состояний

государя и государства. В идеале государь как правитель должен находиться в абсолютном покое, сидя на троне лицом к югу, и как жрец – пребывать в покое при совершении жертвоприношений. Правильные (конфуцианские) ритуал и музыка должны способствовать поддержанию этого состояния, которое противоположно хаосу и смуте, волнению и суете.

Если отвлечься от образа императора в качестве лирического героя поэмы и посмотреть на него как на историческую персону, то «43-летнее правление Сюань-цзуна стало самым продолжительным за всю историю Тан. ...период его царствования, названный “Новой эрой” (Кай-юань, 713–741), был... признан “золотым временем” танской эпохи, отличавшимся имперским блеском, политической стабильностью, расцветом культуры и экономическим процветанием страны» [Попова 2014, с. 272]. Столь долгое правление, конечно же, не обходилось без рациональных государственных решений, особенно в начале, когда, в частности, была проведена перепись податного населения, улучшившая сбор налогов, принимались меры по упрощению транспортировки зерна для обеспечения столицы Чанъань, была создана система приграничных военных поселений, а должности при дворе получали талантливые люди, однако уже с 736 г. «император Сюань-цзун, ранее быстро и гибко реагировавший на все перипетии придворной жизни, позволил себе ослабить бразды правления и довериться кругу приближённых, которые в итоге привели империю к краху» [Попова 2014, с. 287, 288].

Среди причин начавшейся смуты в последний период правления Сюань-цзуна Тянь-бао 天寶 (742–755 гг.) обычно называют сосредоточение слишком большой военной и гражданской власти в руках генерал-губернаторов (*цзе-ду-ши* 節度使), особенно Ань Лушаня, интриги при дворе, безудержный фаворитизм и коррупцию.

Бо Цзюй-и же в своей поэме особо акцентировал увлечение императора женщинами и чувственными удовольствиями (пирами, музыкой и танцами) в ущерб занятиям государственными делами, что не могло не осуждаться с конфуцианской точки зрения. В поэме это состояние достигает своего максимума в период увлечения императора Ян-гуй-фэй и описывается весьма выразительно (15–18-е строки):

и музыкантши, в обход старшего сына Ли Цуна 李琮, а также позволила приблизить в 734 г. «вошедшего в историю как одного из самых искусных льстецов и интриганов» уже упомянутого выше Ли Линь-фу, «хорошего музыканта», успешно продержавшегося у власти 18 лет [Попова 2014, с. 273, 288], в итоге заставив польститься на наложницу своего сына, красавицу, танцовщицу и музыкантшу Ян Юй-хуань.

Смерть императора Сюань-цзуна отделяли всего десять лет от рождения Бо Цзюй-и, а уже через шесть лет после смерти последнего родился Чжу Вэнь 朱溫 (Чжу Цюань-чжун 朱全忠, 852–912 гг.), танский генерал-губернатор, насильственно пресекавший правящую династию, погубивший империю Тан и ставший первым императором Великой (Поздней) Лян (Да [Хоу] Лян) 大(後)梁 (907–923 гг.). В начале 904 г. Чжу Вэнь перевёз императора Чжао-цзуна 昭宗 (личное имя Ли Е 李曄, 867–904 гг., правл. 888–904 гг.) в Лоян 洛陽, официально объявленный новой столицей империи, а уже в 907 г., при своём воцарении в качестве нового императора, главным столичным городом объявил Кайфэн 開封, а Чаньань, утративший столичный статус, был переименован в Даань 大安 (Великий мир / Великое спокойствие). Так история «Долгого мира» как имперской столицы, начавшей своё существование в эпоху Западной Хань (202 г. до н. э. – 8 г. н. э.), пережившей девять династий и ставшей крупнейшим городом мира в эпоху Тан (с площадью около 80 кв. км и населением до 1 млн человек), подошла к закату.

Приведённые выше первые четыре иероглифа первой строки поэмы можно рассматривать как своеобразный конфуцианский камертон, которым выверяются остальные сюжетные линии поэмы, в первую очередь лирически-любовная и религиозно-философская. В «Лунь юе» (XX, 1) прямо сказано, чему должен уделять особое внимание хороший правитель: *Со чжун: минь, ши, сан, цзи* 所重: 民、食、喪、祭 – «Ценимы народ и пища, траур и жертвоприношения». Помимо этого в китайской традиции существует поговорка *чжун нань цин нюй* 重男輕女 («ценить мужчин, пренебрегать женщинами»), которая в 26-й строке поэмы появляется в инверсивном виде, описывая недолжное состоя-

ние, когда родители *бу чжун шэн-нань чжун шэн-ньюй* 不重生男重生女 («не ценят рождения сыновей, а ценят рождение дочерей»). Это доминирование и распространение иньского начала в ущерб янскому, поддерживаемое расслабляющей музыкой и танцами, пренебрежением государственными делами, не могло, как следует из поэмы, не привести к катастрофическим последствиям.

Образ Ян-гуй-фэй, воплощающей начало *инь*, символизированное водой, был подробно рассмотрен одним из авторов этих строк [Кобзев 1983] в связи с посвящёнными ей более ранними стихотворениями другого величайшего поэта эпохи Тан Ду Фу 杜甫 (712–770 гг.) «Песнь о красавицах» («Ли-жэнь син» 麗人行, 753 г.) и «Плач у речного изголовья» («Ай цзян-тоу» 哀江頭, 757 г.). Было отмечено, что «числовым символом воды является шестёрка, и именно шестёрка в системе “И цзина” служит стандартным обозначением женского начала инь» [Кобзев 1983, с. 149]. Более того, «согласно “И цзину”, свойству “опасность” соответствует образ “вода”, единство которых скреплено единым знаком – триграммой “Кань” 坎 и её удвоением, одноимённой гексаграммой № 29¹²» [Кобзев 1983, с. 150]. Вполне осознанно сближая образ Ян-гуй-фэй с темой воды в этих стихотворениях, Ду Фу в «Песни о красавицах» подчёркивал потерю меры ею и её ближайшим окружением, что тоже является предвестием беды. У Юань Чжэня подобная ситуация в стихотворении жанра «новых юэ-фу» (*синь юэ-фу* 新樂府) «Седовласые обитательницы [походного дворца] Верховной [силы] ян» («Шан-ян бай-фа жэнь» 上陽白髮人) получила обобщённую философскую характеристику: «[Когда сила] ян вздымается, [а сила] инь распускается, тогда громоздятся невзгоды» (*Ян-кан инь-инь цзе цзай лэй* 陽亢陰淫結災累)¹³.

У Бо Цзюй-и даосская установка императора персонифицирована образом красавицы Ян, которая носит даосское имя Тай-чжэнь, танцует как даосская бессмертная-небожительница под сочинённую Сюань-цзуном танцевально-песенную мелодию (*у/цую* 舞/曲)

¹² Гексаграмма № 29 «(Си) кань» переводится как «(Двойная) бездна», «(Повторная) опасность» [Щуцкий 2003, с. 261]. Визуально триграмма «Кань» ☵ – это окружённая сверху и снизу иньскими чертами янская черта посередине.

¹³ См. полный перевод и комментарий [Сторожук 2001, с. 136–141].

«Радужная юбка, перьевая кофта» (*Ни-чан юй-и 霓裳羽衣*)¹⁴, погружая императора в приятную и беззаботную атмосферу досуга, танцев и пения, словно они и впрямь уже бессмертные-небожители. Беспечное времяпрепровождение, характерное для маленьких детей, также часто описывалось как «ловля тополиного пуха», чему соответствовало буквальное значение фамилии Ян 楊 – «тополь», что метафорически обыграл Ду Фу в «Песни о красавицах», описав появление Ян Го-чжуна на празднестве: «Пух покрывает тополиный / Простую ряску снежною лавиной» [Кобзев 1983, с. 142], и благодаря чему Ян-гуй-фэй была похоронена под тополем [Лэ Ши 1972, с. 35].

Однако государь, поселившийся во дворце Хуа-цин 華清¹⁵ (букв. «Великолепная чистота») среди *цин-юнь* 青雲 (букв. «тёмно-синие облака», в переносном смысле «слава, почёт») и отвернувшийся от ежедневных забот о государстве, перестаёт «упорядочивать Поднебесную», в ней расцветают злоупотребления и начинается смута: *чан-ань* превращается в свою противоположность – *чан-хэнь*. В этом свете иероглиф *хэнь* утрачивает привлекательные любовно-романтические значения «печали» и «тоски», указывая на «вражду», «ненависть», «злобу» и становясь синонимом «смуты», «непокоя», «взбаламученного» и «неупорядоченного» состояния Поднебесной.

Кровопролитное восстание Ань Лу-шаня – ключевое событие поэмы, делящее жизнь императора и государства на «до» и «после». Поэтому в поэме можно выделить как минимум три смысловые части: 1) мирная жизнь до бегства Сюань-цзуна из столицы, 2) период бегства и казнь Ян-гуй-фэй, 3) возвращение в столицу и волшебное путешествие даоса на остров бессмертных-небожителей к душе Ян-гуй-фэй, однако Б. А. Васильев поделил её на четыре части, выделив путешествие даоса на гору бессмертных-небожителей

¹⁴ В переводе А. П. Рогачева (1900–1981 гг.) «Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор» [Лэ Ши 1972, с. 13, 25].

¹⁵ Императорский дворец, сооружённый на геотермальных источниках горы Лишань 驪山 в уезде Линьтун 臨潼 провинции Шэньси, примерно в 25 км от Чанъяня при Тай-цзуне 太宗 (личное имя Ли Ши-минь 李世民, правл. 626–649 гг.) в 644 г. и получивший своё название Хуа-цин-гун 華清宮 при Сюань-цзуне в 747 г., стал необитаем после восстания Ань Лу-шаня.

в отдельный эпизод. Такое деление нам представляется интересным и оправданным, поскольку создаёт две пары эпизодов, перекликающихся друг с другом¹⁶: 1) счастливая жизнь четы в Чанъане – бегство из Чанъаня, гибель Ян-гуй-фэй и жизнь государя в изгнании вдали от столицы; 2) возвращение в Чанъань низложенного императора, наблюдающего следы запустения во дворце и тоскующего по возлюбленной, – путешествие даоса на гору бессмертных-небожителей, откуда Ян-гуй-фэй пытается разглядеть Чанъань, но не может: *бу-цзянь Чанъань* 不見長安 – «не видит Чанъань».

Это создаёт дополнительное – «архетипическое» в смысле К. Г. Юнга – измерение образа императора, превращающее Ян-гуй-фэй из самостоятельной личности или типажа в персонифицированную даосскую душу-аниму императора, желающего среди прекрасных женщин, музыки и танцев безмятежно предаваться радостям жизни. Однако за радостью и безмятежностью, как за тонким флёрком, скрывались тяготы жизни, которые танский император не хотел видеть: за прекрасной любовью императора и наложницы скрывалось разорение страны, коррупция, всевластие евнухов и протекции родственникам Ян-гуй-фэй. Это несоответствие гладкой и прекрасной «поверхности» скрытой за нею и не столь приятной для глаз «глубине» – тоже своеобразный архетипический троп о «глухоте и слепоте верхов» и «страданиях низов».

На наш взгляд, Бо Цзюй-и вполне последовательно провёл данную идею в своей поэме, которую поэтому вполне можно считать своего рода «увещанием» для нового государя, показывающим опасность отклонения от конфуцианских добродетелей и долга правителя перед народом и государством.

Источники и литература

1. Бо Цзюй-и 1935 – *Бо Цзюй-и*. Песнь о бесконечной тоске – поэма IX века / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. Б. А. Васильева // Восток. Сборник первый. Литература Китая и Японии. [М., Л.: Academia], 1935. С. 113–125.

¹⁶ Эти две пары эпизодов композиционно перекликаются с композиционной нагруженностью строк в четверостишиях *цзюэ-цзюй*, которым Бо Цзюй-и уделял много внимания в своём поэтическом творчестве (подробно см. [Кобзев, Орлова 2020; Орлова 2017]).

2. Бо Цзюй-и 1965 – *Бо Цзюй-и*. Лирика / Пер. с кит., сост., вступ. ст. и примеч. Л. Эйдлина. М.: Худ. лит., 1965.
3. Бо Цзюй-и 1978 – *Бо Цзюй-и*. Стихотворения / Пер. с кит., вступит. ст. и примеч. Л. Эйдлина. М.: Худ. лит., 1978.
4. Бо Цзюй-и 2015 – *Бо Цзюй-и ши-цзи цзяо-чжу* 白居易詩集校注 (Собрание стихов Бо Цзюй-и со сверкой и комментариями). В 6-ти кн. / Сост. Се Сы-вэй 謝思煒. Кн. 2. Пекин: Чжун-хуа шу-цзюй 中華書局 (Издательство «Китай»), 2015.
5. Бо Цзюй-и 2017 – *Бо Цзюй-и*. Сто стихов *цзюэ-цзюй* / Пер. с кит. (вэньянь), пред. и коммент. Н. А. Орловой. М.: ИВ РАН, 2017. 218 с., ил.
6. Большой 1984 – Большой китайско-русский словарь. Т. 3. М.: Вост. лит., 1984.
7. Большой 1984а – Большой китайско-русский словарь. Т. 4. М.: Вост. лит., 1984.
8. Большой 2011 – Большой академический словарь русского языка. Т. 16. М., СПб.: Наука, 2011.
9. Кобзев 1983 – *Кобзев А. И.* О философско-символическом смысле образов природы в китайской поэзии // Проблема человека в традиционных китайских учениях. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. С. 140–152.
10. Кобзев 1983 – *Кобзев А. И.* Каноны конфуцианства и школы имён: в 2 кн. Кн. 1. «Да-сюэ»: «Великое учение» святомудрых для школяров, учёных и владык, или Судьба конфуцианского канона в Китае, на Западе и в России. М.: Вост. лит., 2014.
11. Кобзев 2016 – *Кобзев А. И.* Бесогон монаха Аликэ, или Параллельные миры в синологии (В. М. Алексеев и Н. И. Конрад, А. А. Штукин и С. Л. Тихвинский, Л. З. Эйдлин и Н. Т. Федоренко) // *Он же*. Драмы и фарсы российской китаистики. М.: ИВ РАН, 2016. С. 330–390.
12. Кобзев, Орлова 2020 – *Кобзев А. И., Орлова Н. А.* Поэтика «оборванных строк» (*цзюэ-цзюй*) и поэтический перевод ста четверостиший Бо Цзюй-и // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 390–495.
13. Лэ Ши 1972 – *Лэ Ши*. Ян гуйфэй // Нефритовая Гуаньинь: новеллы и повести эпохи Сун (X–XIII вв.) / Пер. с кит. А. П. Рогачёва. М.: Худ. лит., 1972. С. 13–40. URL: <https://coollib.com/b/295012-le-shi-nefritovaya-guanin/read> (дата обращения 15.12.2021).
14. Неизвестный 1955 – *Неизвестный автор*. Повесть о фаворитке Мэй // Танские новеллы / Пер. с кит., послесл. и примеч. О. Л. Фишман. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 149–156.
15. Орлова 2017 – *Орлова Н. А.* Композиционные приёмы третьей строки в четверостишиях (*цзюэ-цзюй*) Бо Цзюй-и // Общество и государство в Китае. Т. XLVII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017. С. 513–529.

16. Попова 2014 – *Попова И. Ф.* Император Сюань-цзун, период Кайюань (713–741) // История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). М.: Наука – Вост. лит., 2014. С. 272–290.

17. Поэзия 1987 – Поэзия эпохи Тан / Сост. и вступ. ст. Л. Эйдлина. М.: Худ. лит., 1987.

18. Рыбаков 2009 – *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.

19. Словарь 1989 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М.: Наука, 1989.

20. Словарь 2015 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 30. М., СПб.: Нестор-История, 2015.

21. Сторожук 2001 – *Сторожук А. Г.* Юань Чжэнь: Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. СПб.: ООО «Издательский дом “Кристалл”», 2001.

22. Сторожук 2010 – *Сторожук А. Г.* История Сюань-цзуна и Ян Гуй-фэй в танской литературе: выбор между долгом правителя и личным счастьем // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 13, вып. 2. С. 168–173.

23. Сторожук 2010а – *Сторожук А. Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: Типография «Береста», 2010.

24. Уголовные 2008 – Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 26–30 / Пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.

25. Цао Е 1960 – *Цао Е.* Повесть о фаворитке Мэй / Пер. О. Фишман // Танские новеллы / Пер. с кит. О. Фишман и А. Тишкова. М.: Худ. лит., 1960. С. 213–220.

26. Чжан Чунь-и 1956 – *Чжан Чунь-и 张纯一.* Янь-цзы чунь-цю цзяочжу 晏子春秋校注 («Вёсны и осени Янь-цзы» со сверкой и комментариями) // Чжу-цзы цзи-чэн 诸子集成 (Корпус философской классики). Пекин: Чжунхуа шу-цзюй 中华书局 (Издательство «Китай»), 1956. Т. 4.

27. Чэнь и Бо 1959 – Чэнь Хун и Бо Цзюй-и (VIII–IX вв.) // Китайская литература. Хрестоматия. Т. I: Древность, Средневековье, Новое время / Сост. Р. М. Мамаева, общ. ред. и вступ. ст. Н. И. Конрада. М.: Учпедгиз, 1959. С. 344–356.

28. Чэнь Хун 1955 – *Чэнь Хун.* Повесть о бесконечной тоске // Танские новеллы / Пер. с кит., послесл. и примеч. О. Л. Фишман. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 124–135.

29. Чэнь Хун 1960 – *Чэнь Хун.* Повесть о бесконечной тоске / Пер. О. Фишман // Танские новеллы / Пер. с кит. О. Фишман и А. Тишкова. М.: Худ. лит., 1960. С. 185–197.

30. Чэнь Хун 1970 – *Чэнь Хун*. Повесть о вечной печали / Пер. О. Фишман // Гуляка и волшебник: Танские новеллы (VII–IX вв.) / Сост. Л. Эйдли, пер. с кит. И. Соколовой и О. Фишман. М.: Худ. лит., 1970. С. 142–157.

31. Шуцкий 2003 – *Шуцкий Ю. К.* Китайская классическая «Книга перемен». М.: Вост. лит., 2003.

32. Bai Juyi 1999 – Bai Juyi: Den Kranich fragen: 155 Gedichte. Hrsg. v. Weigui Fang. Aus d. Chines. übers. v. Weigui Fang und Andreas Weiland. Göttingen: Cuvillier, 1999.

33. Bo Juyi 2008 – *Bo Juyi*. Song of Everlasting Regret / Tr. by *Ying Sun*. 2008 // URL: <http://www.musicated.com/syh/TangPoems/EverlastingRegret.htm> (дата обращения 15.12.2021).

34. Bo Juyi 2011 – *Bo Juyi*. A Song of Immortal Regret / Tr. by *Betty Tseng* 曾培慈 // URL: <https://28utscprojects.wordpress.com/2011/01/15/071/> (дата обращения 15.12.2021).

35. Coysaud 2009 – *Coyaud M.* Chant des regrets éternels // *Coyaud M.* Anthologie de la poésie chinoise classique. Édition bilingue. P.: Les Belles Lettres, 2009. P. 144–151.

36. Chant 1992 – Chant des regrets éternels // Chant des regrets éternels et autres poèmes, choix, traduction du chinois et présentation par Georgette Jaeger. Édition bilingue, coll. «Orphée». P.: Éditions de la Différence, 1992. P. 24–37.

37. Demiéville 1962 – *Demiéville P.* Anthologie de la poésie chinoise classique (La Collection UNESCO d'œuvres représentatives). P.: Éditions Gallimard, 1962. P. 313–321 (une traduction anonyme du «Chant de l'éternel regret» // Études françaises. Deuxième année, № 8. Pékin, juin 1941).

38. Giles 1924 – *Giles H. A.* A History of Chinese Literature. N.Y. & L. D. Appleton & Co., 1924.

39. Lu 1959 – *Lu Hsun*. A Brief History of Chinese Fiction / Tr. by Yang Hsien, Gladys Yang. Peking: Foreign Languages Press, 1959.

40. Waley 1919 – *Waley A.* More Translations from the Chinese. N. Y.: ALFRED A. KNOPF, 1919.

41. Waley 1951 – *Waley A.* The Life and Times of Po Chü-i. L.: G. Allen & Unwin, 1951.

42. Wang 2008 – *Wang Anyi*. The Song of Everlasting Sorrow: A Novel of Shanghai / Tr. by Michael Berry, Susan Chan Egan. N. Y.: Columbia University Press, 2008.